

ОТКРЫТИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

— Что для вас самое важное в творчестве?

— Понять, что означает это великое: мы — советские люди. Каковы я, ты, он?

В сущности на этот вопрос народный артист СССР Виктор Иванович Коршунов вот уже более трех десятков лет пытается ответить себе и залу. Для него это особая задача, потому что амплуа у него тоже особое — социальный герой. Одно из самых трудных актерских амплуа. Партитура роли здесь пишется равно драматургом и исполнителем. Актер здесь не дирижер, не интерпретатор — он каждый инструмент оркестра. И если в нем нет «меди» — то она и не будет звучать, пусть исполняется даже военный марш... Короче говоря, актер здесь в большей степени играет себя, нежели в других ролях. Он — как художник, постоянно пишущий автопортреты.

Потому имена артистов такого плана знают почти все: Ульянов, Лавров, Степанков, Коршунов...

Каждый из названных актеров имеет свой стиль. Виктор Коршунов в любой своей роли играет прежде всего и более всего сильную личность. У него они сильные, эти «я, ты, он». Гены этого — в человеческой личности актера. Он «взрывоопасен». И потому, например, выступления свои на различных совещаниях перемежает множеством междометий. Они служат амортизаторами. В образах Молчалина, Годунова, Базарова или Кошкина он ищет и находит точку опоры образа личностную силу. И каждый, положительный или отрицательный, персонаж у него — социальный герой в том прямом, из толкового словаря взятом смысле — общественный герой, общественный тип времени.

Опять-таки это прежде всего рождено личностью актера. Человека не формально, а азартно общественного. Азарт присутствует в каждом из многочисленных дел, которыми занимается Коршунов. Например, в том, как он, ведя занятия со своими студентами, удобность или просто возможность выполнения каждой мизансцены проверяет на себе. Придурывая всё и за всех. Придумывая и «выкладываясь», как будто именно здесь,

сейчас ему дано совершить главный акт творчества...

Свое кредо в искусстве он высказал уже давно: «Мы ищем среди людей единицы, чтобы осмыслить и художественно воплотить массы». Кто же они, эти «единицы»?

Творческий путь Коршунова в Малом театре отсчитывается от исполнения роли Вани Рыбакова в пьесе В. Гусева «Иван Рыбаков». И уже тогда намечилось то, что объединит всех последующих его героев. Актер не играл «слабаков». И запутавшийся и страдающий Рыбаков-младший был силен. Своим умом. И даже самой своей бесшабашностью. Именно внутренняя сила эта позволила ему переломить себя.

Сила личности героя. Позже, когда в театре «положительные» герои станут бороться не с марионетками, а с равными себе по силе героями «отрицательными», эти актерские качества станут нарахват именно для исполнения таких ролей. И почти одновременно в БДТ и Малом театре роль Молчалина сыграют Кирилл Лавров и Виктор Коршунов. «Типичные представители» станут выглядеть нетипично.

Молчалин — одна из наиболее существенных работ для всего творчества Коршунова. Если принято было для этой роли брать ключом слова про «умеренность и аккуратность», то Коршунов понял и подал своего Молчалина исходя из фактов его биографии, которые впрямую указывали на сильную, незаурядную личность грибоедовского персонажа: «безродный» живет в знатном семействе, переведен для этого из Твери в Москву, за три года получил три награждения «деловым». А вот как о Молчалине отзывается сам Чацкий: «Бог знает, в нем какая тайна скрыта...» Коршунов сделал тайное явным: в его тихих, ветропливых репликах было столько иронии, знания и понимания изъянов того огромного механизма, который звался фамусовской Москвой, столько ловкого и мощного ума, что не оставалось сомнения: этот Молчалин не просто «дойдет до степеней известных», но и уже стал

весьма значительной фигурой.

Пожалуй, никто в Малом театре так точно и тонко не чувствовал актерскую природу Коршунова, как Борис Андреевич Бабочкин. Актеру, игравшему в «Дачниках» Власа, он предложил попробовать себя в роли Сулова. Тот же путь в этой пьесе прошел и сам Бабочкин. И, думается, не потому, что Сулов был «в двадцать — революционер, в сорок — либерал, в шестьдесят — консерватор», а потому, что обе эти роли требуют от актера высшей степени убедительности и яростного темперамента.

Бабочкин сумел убедить в правомочности режиссерского «риска», а Коршунов — в правомочности своей трактовки. Сулов Бабочкина приходил на

сцену опустошенным, сжигающим всё вокруг себя. Сулов Коршунова не разучился страдать. Он добился сытой жизни, о которой с таким вымученным азартом будет кричать в финале, но она не принесла ему душевного комфорта. Он — не апологет «дачников», а такое же чужеродное тело. Сочетание фактуры и амплуа актера и играемой им роли создавало ощущение трагического бессилия человека, которому некуда девать недюжинные свои силы и ум. Все нескладно в его существовании. Но нескладность эту видит лишь он сам. И зритель, которому не смешно, а скорее страшно глядеть на героя.

По телевидению не так давно была показана телеверсия спектакля Малого театра «Оптимистическая трагедия». Не-

многим действующим лицам удалось сохранить «душу живую» ролей: время сделало свое дело. Но Коршунову — исполнителю роли Алексея — удалось. И, думается, помогло здесь то, что актер играл в Алексее не заблуждения бесшабашной и доверчивой молодости, а поиски истинной точки приложения неумной силы героя. Именно за Алексея боролись Комиссар и Вожак. Его понимание событий решало их судьбу. Он был не одним из многих, а как бы олицетворением тех, кто пришел к пониманию Революции. Сама мысль спектакля напряженно и чутко пульсировала в пронзительной, будоражащей напористости Алексея.

Эта напористость заложена не только в сути данного образа, но и в сути самой индивидуальности актера, который активное начало умеет найти в каждой роли. Как в каждой роли ищет своеобразие, идя порой путями непроторенными, — пример того Молчалин и Сулов. Или лучшая на сегодняшний день его роль — Кошкин в «Любови Яровой».

Коршунов играет интеллигента. Из низов, полуграмотного, но ведь «интеллигент — это не происхождение и не положение, это стремление». Кажется, что эти слова писателя Даниила Гранина сказаны именно о Кошкине — Коршунове. В том, с какой болью говорит он профессору: «Вы знаете, что такое ученье — свет, но не знаете, что такое неученье — тьма», видно колоссальное стремление к духовности. Этот Кошкин собственной кожей чувствует чужую боль. Это тоже признак интеллигентности. Он может растеряться, если этого требует Революция. Но не может оскорбится. А тот факт, что революцию совершали люди внутренне интеллигентные, существует для понимания истории.

В сцене, когда Кошкин узнает, что его друг Грознов — мародер, и по нравственным законам Революции присуждает его к расстрелу, — есть секунды, стоящие целого спектакля. Когда он сидит, ссутулившись, и пытается и не может побороть слезы. Нет, актер не изменил себе. Он по-прежнему играл силу. Но еще и ту цену, которой эта сила

дается. Коршунов, пожалуй, впервые так настежь распахнул сердце в роли.

Всегда удивляет та степень риска, на которую артист идет, берясь за многие из своих ролей. Так, в «Береге» он сыграл Никитина, и — сегодняшнего, пожилого человека на излете жизни, и, не переигрываясь, — юного лейтенанта Отечественной. Не переигрываясь внешне. Но внутренне перевоплощаясь до неузнаваемости. Понимаешь, «что» актер делает, но не уловишь, «как» ему это удается. Такое, думается, дает право произнести слово: талант.

Всех работ не перечислить. Коршунов, пожалуй, самый репертуарный актер Малого театра. Но еще об одной, последней роли — Глумова в пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты» — нельзя умолчать. Сам факт — в роли Глумова пятидесятилетний актер — настораживает. Можно было бы и пораньше... Но Коршунов и не собирается молодиться. Он демонстрирует Глумова во всем его «великолепии», так что вспоминаешь качаловское «что за прелесть эта гадость». Он словно лихо показывает своим студентам, как надо играть Глумова. И словно сговаривается с нами: я не «буду» Глумовым — я сыграю его. И играет, лицедействует.

Коршунов продолжает в лучших своих ролях совершать азартно, как все, что он делает на сцене и в жизни. В Коршунове больше всего поражает именно эта его азартная, неумная жажда деятельности, какая-то феноменальная работоспособность. Он играет в театре и снимается в кино, читает на радио и преподает, без него не обходится ни одно дело в совете по работе с творческой молодежью ВТО. Он член МКК КПСС и возглавляет партийную организацию театра. Думается, такая активная и художническая, и жизненная, гражданская позиция и объясняет во многом популярность актера, любовь к нему зрителей.

С. ОВЧИННИКОВА.

На снимке: В. Коршунов
Фото В. Ковричина.